

- ³¹ *Базилевский В. Ю. Э. Озаровский // Камни и жизнь. 1915. 3 мая. С. 3.*
- ³² Редкое музейное приобретение. С. 4.
- ³³ См.: Редкая коллекция // Известия Императорской Археологической комиссии. 1917. № 64. С. 70.
- ³⁴ См.: Редкое собрание предметов народного искусства // Прибавление к Известиям Императорской Археологической комиссии. 1915. № 57а. С. 20.
- ³⁵ *Л. Д. Указ. соч.*
- ³⁶ См.: *Сомина В. В. Юрий Эрастович. С. 474.*
- ³⁷ *Андрусова Елена. Незабываемый Юрий Озаровский // Новое русское слово. 1977. 30 янв. С. 8.*
- ³⁸ Архив ОИРК ГЭ, ОНПД-215.
- ³⁹ Архив Государственного Русского музея (ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 32. Л. 71 об.
- ⁴⁰ Эти даты, написанные чернилами, стоят внизу каждого списка.
- ⁴¹ *Степанов А. А. Комната купца Сердюкова. Л., 1926.*
- ⁴² *Глинка В. М. Воспоминания о блокаде. СПб., 2012. С. 36.*
- ⁴³ Там же. С. 50.

УДК 94:329.055.2

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В ОТНОШЕНИИ ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются международные экономические отношения между СССР и Францией в середине 1920-х гг., анализируются документы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б), дающие представление о подходах к долгвым вопросам и взаимным претензиям по финансовым проблемам.

Ключевые слова: межвоенный период, заседания политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам долгов СССР, франко-советские отношения.

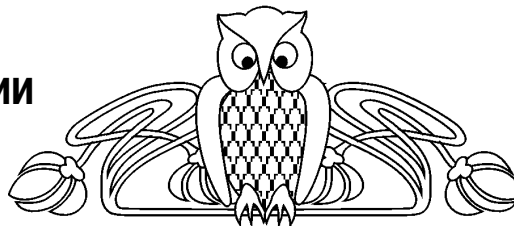
Financial Aspects of Relations between Soviet Union and France in the Mid 1920s

V. G. Tsyplin

The article examines bilateral economic relations between France and Soviet Union during 1920s. Author analyses documents and materials of Political Bureau of the Communist Party focused on Soviet approaches toward the issues of foreign debt, mutual obligations and financial disputes and issues.

Key words: Interwar period, Political bureau of the Communist Party sessions on Soviet debt issues, French-Russian relations.

3 мая 1924 г. в здании советского торгового представительства, расположенного в Берлине, произошли события, имеющие немалый интерес с позиций оценки перспектив взаимоотношений торговых представительств СССР и Франции. Спецслужбы и полиция провели обыск и аресты некоторых сотрудников. Им вменялась в вину помощь в организации и совершении побега члена Коммунистической партии Германии (КПГ). Однако та же КПГ вскоре объявила его провокатором. Полицейские власти принялись давать совершенно невнятные объяснения этой политической провокации. Правительство же на своем уровне придерживалось курса на сближение Германии с Россией, а не с Францией. А нормализация международных отношений между СССР и Францией

наступила только после выступления в сенате премьер-министра 9 апреля 1924 г. При этом были озвучены некоторые оговорки, превратившиеся в серьезные требования¹.

Данный инцидент был сведен к «недоразумению» в деловых и межгосударственных отношениях после выборов 11 мая 1924 г., когда к власти во Франции пришли представители левого блока, сформировавшие новое правительство. Оно без каких-либо условий признало СССР. Нарком внешней торговли Л. Б. Красин в своем выступлении на XIII съезде РКП (б) не придал какой-либо значимости следственным действиям полиции в торговом представительстве в Берлине. О Франции теперь стали говорить как о торговом партнере².

Как известно, в 1920 г. после поражения белой армии в Крыму по приказу её командующего барона Врангеля боевые корабли в составе целых эскадр были уведены в североафриканский порт Бизерта. Процесс дипломатических переговоров, возможности и условия их возвращения в СССР представляют определенный интерес. Впервые этот вопрос был поднят в выступлениях в палате депутатов 18 ноября 1924 г. Наряду с этим был озвучен целый комплекс вопросов, касающихся компенсаций по французским займам, выданным России.

В ходе дипломатических контактов, которые состоялись 3 января 1925 г. между членом палаты депутатов Лушером и полпредом СССР во Франции Л. Б. Красиным, четко прослеживаются неофициальные позиции сторон.

Французская сторона готова пересмотреть российский долг в размере 14–15 млрд франков, при условии уплаты 2 млрд франков и ежегодных платежей в виде процентов, равных 100 млн

франков ежегодно. Из уст Красина было заявлено согласие СССР при обязательном условии предоставления нового займа на экономическое восстановление государства в размере тех же 2 млрд франков, причем заказы советская сторона планировала бы разместить опять же во Франции³.

На предложение советской стороны положительного ответа не последовало. Об этом можно судить из позиции представителя официальной делегации Франции господина де-Монзи на переговорах, состоявшихся 11 января 1925 г., когда была подвергнута критике описанная выше позиция члена палаты депутатов Лушера. С другой стороны, просматриваются и положительные процессы в советской дипломатии, когда частичное признание СССР российского долга и множественные публикации этой позиции советского руководства в прессе способствовали повышению биржевых котировок советских облигаций. Разговоры об обесценивании этих облигаций становились несостоятельными⁴.

Интересна позиция советского руководства по вопросам ведения переговоров с собственниками имущества, которое было в свое время национализировано в СССР. Была дана команда генеральных переговоров не проводить, а организовать приезд во Францию Рейнгольда, Преображенского и Членова, которые должны были сформировать там специальную комиссию, собрать необходимые материалы и обобщить их. Из этих материалов были уточнены претензии различных категорий кредиторов Франции к СССР. Информация по этим вопросам зафиксирована 11 января 1925 г. в сообщении Л. Б. Красина⁵. Руководство ЦК ВКП (б) поручило Л. Б. Красину обсудить с официальным представителем Франции на переговорах с Россией де-Монзи их вариант погашения кредитов за счет процентных отчислений по концессии Франции в СССР. Были разработаны механизмы нейтрализации претензий собственников национализированного и конфискованного имущества, а также претензий по вопросам причиненного ущерба. В соответствии с принятым решением были опубликованы соответствующие материалы на страницах советских газет. В материалах печати были размещены критические публикации в адрес правительства Франции за участие в уходе нашего Черноморского флота и увеличение финансовых расходов с нашей стороны на оборону, а также за поддержку временного отторжения Бессарабии⁶.

Кроме того, редакции газет неоднократно размещали в прессе полемику нашего руководства с руководством Франции по долговым вопросам и взаимным претензиям.

Правительство СССР, озабоченное крайне низким состоянием экономики в целом, принимало меры по получению выгодных иностранных кредитов, размещению заказов и закупок. В частности, в январе 1925 г. все эти вопросы были обсуждены с правительством Франции с целью

подготовки плана заказов, закупок, получения долгосрочных кредитов для промышленности, сельского хозяйства, обороны. Подобный план уже был в свое время разработан с английским правительством. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов 26 января 1925 г. провел беседу с послом Франции Ж. Эрбеттом, из которой стало очевидным: среди французских промышленников крайне мало лиц, заинтересованных упорядочить спорные финансовые вопросы с СССР. Возможным вариантом в выработке взаимовыгодных условий оказалось размещение во Франции новых заказов⁷.

Советская дипломатия усиленно искала пути политического сближения с Францией. Доказательством этого является попытка представителей советского правительства заключить договор с Францией «О неучастии во враждебных комбинациях». Была в этих шагах и другая цель – получение экономических уступок. Принимались меры к разработке альтернативных планов по сближению с крупными французскими промышленниками. Такой план обсуждался на заседании Политбюро. После некоторых дискуссий он был принят. План предусматривал: для изучения обстоятельств и принятия решений на месте был разрешен въезд группы крупных промышленников из Франции, а в состав французской миссии вводился специалист по финансовым вопросам⁸.

Советское правительство рассматривало разные возможности маневрирования золотовалютными запасами. Так, планировалось использование советского золота во Франции на уплату различных процентов, которое должно было быть передано Германии по условиям Брест-Литовского мирного договора. Германии причиталось 245,5 тонн золота, а было отдано только 93,5 тонн⁹.

В середине 1920-х гг. между СССР и Францией неразрешимой проблемой стал вопрос обещанного возвращения бизертского флота. Дипломатическими способами Л. Б. Красину сделать это не удавалось – 6 января 1925 г. советская делегация покинула Бизерту. Поиски компромиссных решений продолжались. На заседании Политбюро 13 марта 1925 г. родилось решение о заключении соглашения о возврате всех без исключения судов по цене два с половиной фунта за тонну. Французская сторона 11 июня 1925 г. выдвинула с её точки зрения компромиссное предложение, в котором говорилось о готовности вернуть все корабли, кроме броненосца «Адмирал Алексеев». Политбюро с таким вариантом не согласилось и выдвинуло французам категорическое требование – полный возврат всего флота. При отказе – переговоры отложить. Что и было сделано¹⁰.

Эскадра кораблей, не имея финансовых средств на поддержание её в добротном состоянии и выдачу денежного содержания ограниченному контингенту плавсостава, продолжала приходить в полную эксплуатационную непригодность. В

начале 1930-х гг. корабли стали демонтировать на металлолом в месте их стоянки. Учитывая небезопасность производства демонтажных работ, руководителем процесса разборки был назначен бывший капитан первого ранга царского флота, инженер А. П. Калягин. Палубная артиллерия линкора «Адмирал Алексеев» была полностью снята и отправлена на хранение в арсеналы в Сити-Абдалах¹¹. Об этом печальном факте в истории Российского флота стало известно с открытием части военных архивов.

В середине 1920-х гг. правительство СССР, его дипломатическое ведомство с завидным постоянством поднимало вопрос о прекращении деятельности на территории Франции бывших российских дипломатов и введении представителей Советского государства в те органы, которые ведали секвестрованными активами российских фирм и финансовых учреждений¹².

Проследим это на примере Грузии. В 1925 г. французское правительство, организуя дипломатические приемы, приглашало на них представителей бывшего грузинского правительства, не беря во внимание тот факт, что оно перестало функционировать после дислокации подразделений Красной Армии в Грузии. Следует признать, что в отношении бывших российских дипломатов в эмиграции французская сторона приняла надлежащие меры. А вот вопрос практической совместной работы на уровне управляющего секвестрованным имуществом российских фирм и финансовых учреждений на территории Франции решен не был. В связи с этим и вопрос о прикомандировании работников советского посольства был отклонен.

С помощью дипломатических зигзагов советское руководство пыталось склонить французское правительство к признанию факта вхождения Грузии в состав СССР. По этой позиции 12 марта 1925 г. состоялась беседа Л. Б. Красина и Э. Эррио. Франция и СССР обменялись нотами¹³.

Весной 1925 г. стало заметно охлаждение дипломатических элит европейских государств к СССР. Это объясняется в первую очередь влиянием антисоветской политики Чемберлена. Это коснулось и Франции, которая явно «динамила» идею скорейшего разрешения финансовых споров с СССР. Возможно, определенный отпечаток наложило и отсутствие свежих, в духе времени, предложений от советской стороны. Оживление произошло после очередного заседания Политбюро (Протокол № 35 от 09.04.1925 г.), когда в недельный срок Нарком иностранных дел (НКИД) должны были определить меры уступок со стороны СССР по долгвым обязательствам, по вопросам получения кредитов, а также по дальнейшим планам сторон на русское имущество, находящееся во Франции. Кроме того, НКИД обязали в тот же срок подготовить к обсуждению текст договора о ненападении между СССР и Францией¹⁴.

1 апреля 1925 г. в Париж прибыла комиссия под председательством Преображенского, кото-

рая должна была в недельный срок окончательно установить цифровые данные о финансовых обязательствах, систематизировать их, а полученные данные представить в Политбюро¹⁵.

Советско-французские отношения не раз еще обсуждались на заседаниях Политбюро в течение 1925 г. Со стороны французского посла в СССР 24 апреля 1925 г. последовало предложение о начале переговоров по вопросам долгов, советская сторона подтвердила свое согласие о вступлении в переговоры 11 мая 1925 г.¹⁶ Для ведения переговоров была создана комиссия, в которую вошли: Красин как председатель, Рейнгольд, Преображенский, Ломов и Мдивани как члены. В ходе переговоров планировалось установить максимальную сумму долга в размере 300 млн рублей, но Франция должна будет обеспечить эту сумму товарными кредитами на период от 3 до 5 лет. Декрет советского руководства об аннулировании долгов царского правительства считался основополагающим, а обязательства о кредитах принимаются как шаги по установлению дипломатических и деловых связей с Францией. Французскому посольству в 1925 г. было разрешено вывозить посольское имущество из Ленинграда¹⁷.

Значительное оживление по рассматриваемым вопросам произошло в конце 1925 г., когда согласно решению советского правительства Раковский 10 декабря 1925 г. вручил верительные грамоты президенту Франции. Сразу после этого состоялись дипломатические беседы между представителями советской стороны Чичериным и Раковским и представителями французской стороны Брианом и Бертело. В результате этой встречи родилось решение о начале переговоров по вопросам кредитов и долгов в январе – феврале 1926 г. Советскую сторону на этих переговорах должна была представлять комиссия в составе Литвинова, Раковского, Троцкого, Рейнгольда, Шейнмана, Пятакова и Рудзутака, которая в начале февраля 1926 года прибыла в Париж. Основные вопросы, которые предстояло решить, сводились к планам платежей со стороны СССР и составлению календарного плана по реализации кредитных денег во Франции¹⁸.

14 января 1926 г. на заседании Политбюро исходная сумма долга, согласно предложению, должна быть увеличена до 400 млн рублей, рассрочка платежа должна составить 50 лет, а общая ежегодная выплата не должна превышать 25 млн рублей. Срок рассрочки и ежегодные выплаты не должны меняться ни при каких условиях. Финансовые активы, находящиеся на территории Франции, составляли некий резерв, который использовался в ходе дипломатических переговоров по вопросам кредитов и долгов; из этих средств были осуществлены процентные выплаты по долгам с 1917 по 1925 г. Сами долги спаривались путем выставления своих претензий в ходе работы комиссии по вопросам о военных долгах и выплата-

те компенсаций за национализацию частной собственности граждан Франции в СССР. Комиссия препятствовала попыткам французской стороны всячески понизить свой долг путем обесценивания валюты и занижения курсовой стоимости ренты. Вышеупомянутая комиссия при ведении дипломатических переговоров свою работу строила исходя из принципов нейтралитета, неучастия во враждебных блоках и вообще предлагала заключить пакт о ненападении. В ходе дипломатических переговоров в 1926 г. были обсуждены вопросы советско-французского экономического сотрудничества в странах Азии, а также поднимались вопросы укрепления мирных отношений между СССР и Польшей при посредничестве Франции. Что касается отношений между СССР и Румынией, то вспоминался Парижский протокол, ратифицированный 11 марта 1924 г., на который правительство СССР ответило нотой протеста и предложением Чичерина о плебисците в бессарабском вопросе¹⁹.

Дипломатический корпус СССР принимал немалые усилия в 1926 г. по поводу заключения советско-французского торгового договора по образцу советско-германского сценария. С целью получения положительных результатов по этой позиции работала весьма компетентная комиссия в составе: Томского, Сокольников, Раковского, Стомонякова, Долгова, Преображенского²⁰. Переговоры были прерваны в апреле 1926 г. из-за разногласий по долгам, которые СССР признавал в случае получения кредитов от Франции. Правительству Франции комиссия предоставила перечень кредитов, которые СССР рассчитывал получить в период до 1929 г., а также список заказов у французских промышленников. Из-за недостаточной проработанности этого вопроса окончательное решение отложили до ноября 1926 г. Вскоре разразился дипломатический скандал по поводу заключения румынско-французского договора, по которому Франция предоставляла гарантии Румынии по владению Бессарабией. СССР данный документ, разумеется, опротестовал. Тут, конечно, было уже не до решения финансовых вопросов.

Решение финансовых вопросов, к сожалению, не улучшилось и тогда, когда во Франции произошла смена правительства. К власти пришел Раймон Пуанкаре, занявший сразу два высших государственных поста – председателя Совета министров и министра финансов. Непредсказуемость во внешней политике он не страдал, но в период нахождения его у власти (с 23 июля 1926 г. и до 6 ноября 1928 г.) отношения между СССР и Францией стали ухудшаться. И этому есть доказательства. 25 января 1926 г. состоялась встреча между Пуанкаре и Раковским по вопросам взаимных финансовых и имущественных претензий²¹. Встреча закончилась безрезультатно. В течение второй половины 1926 г. прогресса в работе комиссий не наблюдалось. Переговорный

процесс по финансовым вопросам характеризовался тупиковым состоянием.

Отсталость экономики СССР вынуждало Политбюро инициировать дипломатические переговоры с Францией в начале 1927 г. Комиссия в составе Литвинова, Шейнмана, Микояна приступила к выработке новых директив, корректировке старых, составленных в июне 1926 г. по долговому и финансовым вопросам. Они подлежали утверждению на Политбюро, после чего должны были быть направлены французской стороне. Заседание Политбюро по этому вопросу состоялось 13 января 1927 г.²² Итоговый протокол предписывал:

- обновить состав советской делегации;
- утвердить более жесткие финансовые схемы;
- уточнить обязательства;
- определить меры ответственности за невыполнение обязательств.

Советская сторона на переговорных процессах с Францией стремилась решить вопрос о полном возвращении брест-литовского золота. Обсуждению этого требования Политбюро уделило особое внимание.

Двухстороннее обсуждение финансовых и кредитных вопросов сопровождалось порой возникновением конфликтных ситуаций с последующей передачей дел в суды. Так, председатель коммерческого суда департамента Сена вынес решение о наложении предварительного ареста на фонды советского торгового представительства и отделения Нефтесиндиката во Франции. Причина такого судебного действия – неисполнение Нефтесиндикатом договорных обязательств с испанским банком «Fmns»²³.

Показателен еще один конфликтный случай во франко-советских дипломатических отношениях. Он касался золотых запасов. Советское золото, стоимость которого была приблизительно эквивалентна 5 млн долларов, было отправлено в два нью-йоркских банка в феврале 1928 г. Но осуществлению этой финансовой операции помешал спор, из-за которого правительство США наложило запрет. Спор возник 6 марта 1928 г., когда послом Франции была направлена нота в государственный департамент США с напоминаниями о требовании этого золота Банком де Франс. Далее пояснялось, что это банк в свое время в Царской России в начале XX в. имел крупные банковские депозиты (52 млн франков). Исходя из этого, Политбюро СССР сначала 15 марта 1928 г. разрешило Госбанку СССР транш в Германию в размере 20 млн рублей по делу Банк де Франс, но на следующий день было принято противоположное решение, о чем незамедлительно был уведомлен министр иностранных дел Франции. В соответствии с постановлением Политбюро, которое состоялось 29 марта 1928 г., окончательное решение по этому вопросу должна была вынести комиссия, в состав которой входили Чичерин, Микоян, Косиор и Менжинский.

Заслуживает внимания ответ правительства Франции, который датирован 10 апреля 1928 г. В нем, в частности, говорится, что Банком де Франс подан судебный иск, который преследует цель защитить свои юридические права на советское золото, а Госдепартаменту США выражается просьба об изложении своей позиции по существу данного вопроса²⁴. Французский посол в беседе с Чичериным вначале отрицал судебный иск, потом пояснял, что преследовалась цель выяснить: в силе ли постановление 1920 г. (недопущение приема советского золота).

Дело дошло до суда, длилось около года, а в результате требование руководства Франции было отклонено²⁵.

Анализ протоколов ЦК ВКП (б) по долговым вопросам между СССР и Францией позволяет констатировать серьезный накал страстей, охладить который сиюминутно было невозможно, тем более, что не существовало единого мнения по царским долгам. Советское руководство практиковало периодическую замену руководителей и полных составов комиссий, которые принимали участие в разрешении финансовых разногласий. Для решения вопросов в Париж на дипломатические переговоры зачастую направлялись разные должностные лица.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 53.
- ² См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1961. Т. VII. С. 317–324.
- ³ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 17–18.
- ⁴ Там же. Т. VIII. С. 45–49.
- ⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 64.
- ⁶ См.: *Виноградов В. Н., Ереценко М. Д., Покивайлова Т. А., Семенова Л. Е.* Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии: документы и материалы. М., 1996. С. 252.
- ⁷ См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 102.
- ⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 71.
- ⁹ См.: Исторический архив. 1998. № 1. С. 138.
- ¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 190.
- ¹¹ См.: *Широкорад А. Б.* Россия на Средиземном море. М., 2008. С. 158.
- ¹² См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 185.
- ¹³ Там же. Т. VIII. С. 142.
- ¹⁴ Там же. С. 191.
- ¹⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 108.
- ¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 282.
- ¹⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 136.
- ¹⁸ Там же. Оп. 162. Д. 3. Л. 1.
- ¹⁹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 166–167.
- ²⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 5.
- ²¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 626.
- ²² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 43.
- ²³ См.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. М., 2001. С. 156.
- ²⁴ См.: Документы внешней политики СССР. Т. XI. С. 231.
- ²⁵ См.: Известия. 1929. 24 марта.